

# „ЗЕРНО РИСА“

Мягкий луч света выхватывает из темноты худенькую фигурку юноши, звучат крикливые голоса: «Челестино, вставай! Челестино, умывайся! Челестино, ешь! Челестино, молись! Челестино, спи!» Она обращены к юноше, но он сидит, задумавшись, унесенный мечтой куда-то далеко, к вольной, широкой жизни.

Так начинается спектакль Ленинградского областного театра драмы и комедии «Зерно риса». Новое произведение итальянского драматурга Альдо Николаи (переводчик А. Горский), автора пьесы «Синьор Марио пишет комедию», идущей на сцене Большого драматического театра имени Горького, привлекает искренним юмором писателя к простым людям Италии, жизнь которых он хорошо знает, гуманистической направленности.

Герой новеллы Челестино — обыкновенный итальянский паренек, чуть наивный, немного восторженный, но в общем ничем не примечательный. И требования его к жизни так же незамысловаты, как и он сам. Единственно, чего хочет Челестино — это стать рыбаком, жить рядом с морем, дышать полной грудью и быть счастливым. Все это так естественно. Но мечтам Челестино не суждено сбыться. Окружающая его действительность опрокидывает эти мечты.

Одна за другой рушатся надежды Челестино. Юношу манят к себе

Новый спектакль Ленинградского областного театра драмы и комедии

просторы моря, а работать он вынужден поступить в маленькую душную контору, где чиновники боятся оборонить лишнее слово. Ему кажется, что он нашел настоящую подругу, которой близки и дороги его стремления. Но на поверку Амелия оказывается маленькой мешанской хищницей, поудобнее устраивающейся в жизни.

Появляется ребенок. Скучного заработка чиновника едва хватает на то, чтобы прокормить семью. Челестино теперь задавлен сверхурочной работой. И счастье приходит к нему только во сне: ему снятся лодки, паруса, надуваемые ветром, сети, погруженные в воду. Действительность же похожа на другой, кошмарный сон Челестино: «Я был зерном риса и находился в мешке... а сверху, снизу, кругом меня сжимали, душили тысячи и тысячи зерен риса, похожих на меня... Каждое зерно старалось выбраться из мешка, но это не удавалось... Зерна давили друг друга».

Судьба Челестино, по словам А. Николаи, типична для многих и многих его современников. Жизнь сушит души людей, убивает в них

стремление к свободе, к красоте. Однако Николаи не приходит в своей пьесе к пессимистическим выводам. Удрученный Челестино слышит в финале ободряющий голос: «Мужайся, Челестино! Жизнь делает смелые люди!»

Продуманно и тонко поставлена пьеса Николаи режиссером Я. Хаммермером. В спектакле резко подчеркнута непреходимая грань между мечтами Челестино о свободе и реальной жизнью, которую уготовали тысячам простых тружеников Италии их хозяева. Чтобы выделить эту социальную тему, режиссер находит выразительный прием.

Сцена как бы разделена занавесом на две части. И занавес этот необычен: на его прозрачном фоне выделяются темные поперечные полосы. Когда сцена освещена и мы видим в глубине Челестино и других героев, они словно находятся за тюремной решеткой. Особенно убедителен этот прием в одном из последних эпизодов спектакля: Из-за прутьев занавеса-клетки в луче света появляются герои спектакля, твердящие Челестино: «Твоя жизнь здесь, ты никуда от нее не уйдешь».

И зрители понимают, что «мешок риса закрылся» и уже никогда Челестино не выбраться из него.

Однако нам хочется кое в чем упрекнуть режиссера. В драматической новелле Альдо Николаи тесно переплетаются проникновенный лиризм, драматизм и настоящая комедийность. В тонком сочетании всех

этих элементов — сложность постановки «Зерна риса». В новелле пропорции художественно точны. В спектакле соразмерность иногда нарушается. Слишком большое место в нем занял мотив чужого ребенка, который родился у молодой жены Челестино. Приятеля юноши всячески смакуют «семь месяцев» после свадьбы, через которые родился мальчик, его имя, совпадающее с именем первого жениха Амелии, несхожесть отца и сына. В печатном варианте пьесы все это или вовсе отсутствует или дано беглыми намеками. В спектакле это дается излишне назойливо.

Значительных результатов добивается режиссер в работе с актерами. В спектакле много ярких образов. Очень удачен дебют молодого актера В. Исакова, пришедшего на сцену профессионального театра из самодеятельности. Вначале Челестино — веселый юноша, неподдельный и непосредственный, еще верящий в то, что его мечта осуществится. Когда Челестино вдохновенно цитирует строки из рукодества по рыбной ловле, зритель и сам начинает видеть необъятную даль моря. В. Исаков умеет передать живой, горячий, подлинно итальянский темперамент своего Челестино.

Но время идет, Челестино становится более сдержанным, скованным его движения, весь он замыкается в себе. Только изредка прорывается прежний темперамент. Узнав о том, что для него есть место на китобойном судне, Челестино в восторге

вскрикивает на стол в конторе и разбрасывает ненавистные для него бумаги. Надежда освещает его всего: он снова весел, лукав и задорен. Ничем не убитый окончательно этого стремления Челестино к свободе. Именно поэтому кажется неправомерной излишне покурная фигура Челестино в финале.

Лирическая тема спектакля связана преимущественно с линией Челестино — Маттеи. Этот образ очень интересен в спектакле. З. Квитковская не боится сделать свою Маттею вначале смешной, даже чуть пошловатой. Первую сцену свидания Маттеи с Челестино актриса ведет в гротесковом плане. Уже не очень молодая женщина в ярком, замысловатом платье кокетничает с понравившимся ей юношей. Только в немногих интонациях проскальзывает истинная тоска одинокой женщины с ее неустроенной жизнью, но сразу же уступает место дешевому заигрыванию. Постепенно это заигрывание перерастает в настоящую любовь, и в любви к Челестино раскрываются лучшие стороны души Маттеи. И часто Маттея — Квитковская поднимается до подлинного драматизма. После тяжелого для нее объяснения с Челестино Маттея одна садится к его столу и, вся согнувшись, привычным жестом начинает штемпелевать его бланки — стук, стук — одинокое горе, однообразный холодный звук...

Проза жизни, мелкие мешанские интересы выходят на сцену вместе с шумной, назойливой матерью Челестино, вместе с его крикливой, вульгарной сестрой Дианой. Исполнительницы этих ролей З. Смирнова и Н. Мазаева помогают ярче охарактеризовать тот мир, в котором задыхается Челестино. Выразительные служашие конторы Траквили (А. Животов) и курьер (Д. Сиваков).

Очень неточен в спектакле образ Амелии в исполнении артистки И. Ужовой. В пьесе Амелия — заурядная мешаночка, идеал которой — благоустроенная семейная жизнь, собственный домик и все прочие атрибуты мешанского счастья. У режиссера — жалко попытка показать ее хищницей и авантюристкой. Актриса же, растерявшись между этими двумя трактовками, не смогла дать своего четкого понимания образа.

Помогают раскрытию идейного замысла пьесы декорации Г. Вермана. Небольшой домик Челестино окружен высокими домами; действительно, здесь так не хватает простора! Унылая, бесцветная контора с облешинными стенами, жидкая зелень у скамейки — и вам делается душно в этом мире вместе с Челестино.

Спектакль «Зерно риса» — серьезная и интересная работа Областного театра драмы и комедии.

Л. ДАНИЛОВА

Ленинградская правда, 24.X.60.